

УДК 340.12
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.04
5.1.1.

О неизбежности социально-правового прогресса¹

Алексей Павлович Семитко

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Аннотация. Является ли социально-правовой прогресс неизбежным? Если да, то является ли он чем-то вроде самоосуществляющегося пророчества, когда можно пассивно ожидать улучшения жизни во всех сферах общества, и в правовой в том числе? На первый вопрос ответ положительный, на второй – отрицательный. Для реализации позитивных, прогрессивных изменений необходима борьба за них, за правовой прогресс. Тогда на каком основании он может считаться неизбежным, если для его реализации необходима борьба? Парадоксальность ситуации заключается в том, что неотвратимой является сама борьба: люди «обречены» бороться за прогрессивные изменения, поскольку это вытекает из их глубинных потребностей – биосоциальных потребностей – в безопасности и свободе. Противники социально-правового прогресса могут остановить его или повернуть вспять, но такой сценарий будет лишь временным, так как вечно препятствовать реализации объективных потребностей человечества невозможно. Возникший в XX веке и имеющий место сегодня пессимизм в отношении идеи прогресса связан с завышенными ожиданиями, непониманием природы прогресса, изменением критериев его оценки, ростом запросов, эвристикой доступности и проч. Пессимизм остается уделом заблуждающихся интеллектуалов, поскольку эта идея давно уже «ушла» в массы: любые политические движения и лидеры обещают своему народу прогрессивное улучшение жизни. Таким образом, социальный и правовой, в том числе, прогресс неизбежен.

Ключевые слова: социальный прогресс, правовой прогресс, неизбежность прогресса, борьба за правовой прогресс, социобиологическая природа человека, правовой регресс, верховенство права, конституционализм, разделение властей, права человека

Для цитирования: Семитко А. П. О неизбежности социально-правового прогресса // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 2. С. 47–57. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.04.

On the Inevitability of Social and Legal Progress

Alexey P. Semitko

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-4425-3053>

Abstract. Is social and legal progress inevitable? If so, is it a kind of self-fulfilling prophecy, where one can merely sit back and anticipate improvements in all areas of society, including the legal sphere? The answer to the first question is yes; to the second, no. To bring about positive, progressive transformations, there is a need for a struggle for change, for legal advancement. So on what grounds can it be considered inevitable if a struggle is necessary for its realization?

¹ Расширенная версия тезисов, опубликованных в сборнике материалов и докладов XXVIII Международной научно-практической конференции «Общество для творчества – творчество для общества» (Екатеринбург, 10–11 апреля 2026 года) (Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2026. С. 250–255).

The paradox of the situation lies in the fact that the fight itself is unavoidable: people are ‘doomed’ to strive for progressive change, as this stems from their deepest needs – their bio-social needs for security and freedom. Opponents of social and legal progress may halt or reverse it, but such a scenario would be only temporary, as it is impossible to perpetually stand in the way of the fulfillment of humanity’s objective needs. The pessimism regarding the idea of progress that emerged in the 20th century and persists today is linked to inflated expectations, a misunderstanding of the nature of progress, changing criteria for its assessment, rising demands, availability heuristic, and so on. However, pessimism remains the preserve of misguided intellectuals, as this idea has long since ‘gone’ to the masses: all political movements and leaders promise their people a progressive improvement in their lives. Thus, social and legal progress, among other things, is inevitable.

Keywords: social progress, legal progress, the inevitability of progress, the struggle for legal progress, the sociobiological nature of human beings, legal regression, the rule of law, constitutionalism, the separation of powers, human rights

For citation: Semitko AP. On the Inevitability of Social and Legal Progress. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University. 2026;14(2):47-57. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-2.04.*

Прогресс – это великая идея, меняющая мир в лучшую сторону, которая в XX веке столкнулась с пессимистическим отношением: стали говорить даже о ее кризисе. Идея социально-правового прогресса является одной из выдающихся в истории человечества и продолжает по-прежнему привлекать к себе большое внимание [Архипов 2025; Пинкер 2021]. В развитом виде она сформировалась в эпоху Просвещения и совершенствовалась в дальнейшем, однако в XX веке появились пессимистические оценки этой идеи [Нисбет 2007, с. 475], встречающиеся порой и сегодня. Стали говорить даже о кризисе идеи прогресса, что соответствует скорее ее оценкам с определенных позиций – с точки зрения самых разных, но всегда слишком завышенных, требований по отношению к ней, а не фактическим обстоятельствам регрессивного развития человечества. В то же самое время слышны весьма мощные, глубоко аргументированные голоса в защиту этой идеи, предлагаются конкретные пути для преодоления прогрессистского скепсиса и пессимизма, ведется поиск путей реализации прогрессивных изменений сегодня и в будущем [Архипов 2025; Пинкер 2021].

Борьба за правовой прогресс – более содержательная формулировка, чем борьба за право. В недавно вышедшей фундаментальной монографии по правовому прогрессу ее автор – известный современный российский ученый С. И. Архипов – выдвинул исключительно важную, можно даже сказать, великую идею – идею необходимости борьбы за правовой прогресс [Архипов 2025, с. 191 и др.]. Ранее Р. Иеринг писал о необходимости борьбы за право, и этот его призыв, безусловно, можно отнести к величайшим правовым лозунгам, когда-либо высказанным в истории мировой правовой науки. Однако если рассматривать этот лозунг буквально, в отрыве от идей Иеринга в целом, то возникает вопрос: а речь идет о борьбе за какое именно право – за право позитивное или естественное, право властителя или подвластного, или того и другого на равных основаниях, или какое-то еще другое – например, обычное, традиционное право господствующих слоев общества? Подобного рода вопросы невозможно ставить в отношении формулы «борьба за правовой прогресс» потому, что не только в американской культуре, про которую упоминает Р. Нисбет, говоря о пессимистической оценке идеи прогресса [Нисбет 2007, с. 475], а, по всей видимости, в любой другой культуре и языке, существующих в современном цивилизованном мире, где это слово известно (имеется в виду, что общества, находящиеся на доцивилизационной стадии – стадии первобытно-общинного строя, вряд ли имеют в своем лексиконе подобного рода слова и, возможно, понятия), «всегда подразумевается, что то, что наречено прогрессивным, находится в авангарде и удерживает позиции, к которым естественный ход прогресса со временем приведет других» [Пинкер 2021, с. 467]. В этом смысле идея борьбы за правовой прогресс представляется более содержательным лозунгом. Совершенствова-

ние права и правовой культуры не происходит само по себе – требуются значительные, серьезные усилия и даже борьба (но все-таки борьба мирная, а не борьба-война) социума для того, чтобы правовой прогресс мог реализоваться на практике.

Является ли правовой прогресс при необходимой борьбе за него неизбежным и неотвратимым? (Как считали многие мыслители эпохи Просвещения). И если да, то неотвратимым, неизбежным в каком смысле? Является ли он самоосуществляющимся некоторым мистическим образом предсказанием, т. е. некоторым проектом, реализующимся без каких-либо усилий, без всякой борьбы со стороны общества и его лидеров? Думается, что такое – мистическое – понимание «неизбежности» не будет верным. Например, Ж. А. Кондорсе считал, что рост знаний, технический прогресс, развитие ремесел и экономики неизбежно приводит к прогрессу в области нравственности и увеличению свободы в обществе, т. е., добавим мы, – к социально-правовому прогрессу [Кондорсе 1956]. Вряд ли один из классиков учения о прогрессе считал, что рост знаний, развитие науки, ремесел, техники, экономики осуществится само собой, ведь для этого требуется заметная активность, настойчивость и т. п. энергичная деятельность со стороны ученых, инженеров, предпринимателей и многих других лиц. В ряде случаев для борьбы за социально-правовой прогресс необходимы не только энтузиазм и усилия самых разных акторов, но, к сожалению, и жертвы. С. С. Алексеев пишет, что для привыкания к праву, для борьбы за право и, добавим, борьбы за правовой прогресс «нужны и время, и подвижники, и, увы, жертвы (зачастую – немалые), а еще более – плодотворные процессы становления и развития всего комплекса институтов современного гражданского общества...» [Алексеев 2010, т. 6, с. 153–154]. Таким образом, неизбежность не означает мистической самоосуществимости, когда никому ничего не надо предпринимать и манна небесная в виде плодов прогресса сама будет падать с неба на пребывающих в безмятежном покое представителей рода человеческого.

Необходимость борьбы за правовой прогресс не противоречит идее о его неизбежности потому, что неотвратимой является борьба за него. Борьба за социальный и правовой прогресс, в частности, неизбежна тогда, когда какое-то отдельное общество, а затем и человечество в целом «созреют» до понимания неудовлетворительного состояния, в котором они находятся в данный момент. И такое осознание происходило на протяжении всей предшествующей истории, происходит сегодня, будет происходить и в дальнейшем, когда люди будут все больше и больше, все глубже и глубже осознавать свои насущные, экзистенциальные потребности в свободе, гуманизме, надежно защищенных правах человека (по сути, потребности в правовом развитии – правовом прогрессе). Однако даже в случае полного осознания и достаточной зрелости гражданского общества у него всегда найдутся – внутри и (или) вовне – противники правового развития, совершенствования и роста, как потому, что в самом человеке имеются не только добрые, но и злые начала, так и потому, что в обществе всегда будут существовать наделенные властью люди, которым гораздо проще, удобнее и комфортнее дискриминировать, принуждать других, в том числе большинство общества, ради собственной выгоды, т. е. существовать во внеправовом, сугубо политическом типе коммуникации (см.: [Архипов 2025]). Необходимо зрелое гражданское общество, чтобы неизбежная борьба за правовой прогресс могла рассчитывать на постоянный успех. Поэтому, с одной стороны, можно утверждать, что прогресс не приходит сам собой, автоматически, при полной пассивности заинтересованных в нем лиц, а с другой – полагаем истинным тезис о том, что социальный и правовой, в частности, прогресс неизбежен и неотвратим как в такой краткой формулировке, так и в более расширенном, уточненном виде, т. е. в смысле того, что необходимая борьба за него неизбежна и неотвратима (человек «обречен» на борьбу за правовой прогресс), а потому приведет (и до сих пор приводила в большой исторической перспективе, а не в плане десятилетних и тем более ежегодных флуктуаций – подъемов и спадов, откатов, регрессивных изменений) к соответствующему результату – социальному и правовому прогрессу (см.: [Пинкер 2023]).

Могут ли противники социально-правового прогресса (авторитарные элиты, террористические режимы и проч.) остановить его «навечно», то есть сделать его не неизбежным? В истории имеется немало примеров замедления прогрессивного развития того или иного общества и даже движения вспять – регресса, однако вопрос в другом: возможна ли постоянная, неуклонная правовая деградация человечества, прекращение прогресса «навечно», означающее одновременно и опровержение тезиса о его неизбежности? Может ли, например, авторитарная власть в том или ином обществе навсегда «поставить крест» на движении общества к лучшему правовому будущему? Однозначный, бесспорно отрицательный ответ на этот вопрос был бы вряд ли убедительным: мы видим, что разворачивающийся на наших глазах научно-технический и информационный прогресс, цифровизация, развитие искусственного интеллекта дают в руки авторитарному режиму совершенно фантастические возможности для порабощения как своего, так и чужого населения, лишения человека прав и свобод, которыми он пользовался в доцифровую эпоху.

Может ли какой-то террористический режим, приносящий в жертву своей светской или религиозной идеологии миллионы своих собственных граждан, использующий их в виде живого щита в войне с цивилизованными режимами, которые, напротив, ценят жизни своих граждан в гораздо большей степени, одержать победу над последними и установить террор в побежденных анклавах, уничтожая там не то что плоды правового прогресса, а вообще все население как исторически конкретную общность? Такой пессимистический сценарий тоже не исключен, тем более что значительная часть западного цивилизованного мира, главным образом левого политического спектра, выступает фактически за полную и безоговорочную поддержку подобного рода террористических режимов (типа ХАМАС – организации, признанной террористической в ряде западных стран, ЕС, Организацией американских государств), осуждая страны, которые в борьбе за собственное выживание вынужденно причиняют вред не только боевикам-террористам, но и умышленно подставляемому последними под удар населению анклавов, где ведутся боевые действия и где эти террористы захватили полную власть и обосновались надолго, причем в ряде случаев обосновались при полной поддержке населения, которому причиняется колоссальный ущерб как со стороны своей власти, так и со стороны тех, кто пытается эту власть низложить в ответ на ее агрессивные военные вылазки против цивилизованного мира.

Может ли в результате современного глобального миграционного процесса одна культура (стремящаяся к правовому совершенствованию) быть заменена другой, которая вместо свободы, прав человека и всеобщего равенства предпочитает религиозные войны против неверных, насилие и дискриминацию отдельных групп населения по тем или иным признакам? Положительный ответ на этот вопрос появляется в литературе все чаще и чаще (см.: [Самус 2017]).

Две последние ситуации – это частные случаи первой, поскольку связаны с установлением в обществе крайне авторитарного режима, с действием жестокой, порой в полном смысле слова террористической «элиты», которую С. С. Алексеев называет Большой Властью и пишет: «Право в обществе, в котором доминирует Большая Власть (типа власти диктатуры пролетариата, фашистской диктатуры), “социально обречено”: оно в принципе не в состоянии стать правовым – обществом, в котором утверждается верховенство права, правление права. Здесь правовое развитие не имеет надежной оптимистической перспективы» [Алексеев 2010, т. 6, с. 153]. Не напрашивается ли из всего сказанного вывод о том, что социально-правовой прогресс не является неизбежным, не является неотвратимым? Как ни странно на первый взгляд, но ответ будет отрицательным по следующим основаниям.

В ситуации Большой Власти отсутствие надежной оптимистической перспективы в прогрессивном правовом развитии не означает, по мнению С. С. Алексеева, что такая «обреченность» является абсолютной. Сегодня в конституциях и других важнейших правовых и прочих документах даже крайне авторитарных режимов не принято на-

прямую указывать, что этот режим будет убивать без суда и следствия всех, кто ему противостоит, будет подвергать жесткой дискриминации какие-либо этнические и прочие меньшинства. Об этом весьма оригинально и исчерпывающе доказательно написал Р. Алекси, упомянув о невозможности в первой статье конституции указать на то, что некоторое государство X является «суверенной, федеративной и несправедливой республикой» [Алекси 2011, с. 43–45]. По этой причине декларации, содержащиеся в руководящих правовых или иных текстах, рано или поздно могут привести к тому, что они будут воплощены в жизнь. Что касается пока еще авторитарных государств, но уже избравших в качестве ориентира верховенство права, правовое государство, защиту прав и свобод человека, то включение этих «институтов в законы, особенно в Конституцию, их сохранение, развертывание строгой определенности юридических положений, придание юридическим установлениям (принципам, юридическим конструкциям) юридического совершенства, упорная работа по правовому просвещению – все это создает плацдармы, опорные звенья для привыкания к праву и, что еще более существенно, борьбы за право» [Алексеев 2010, т. 6, с. 153]. Там, где эти конкретные плацдармы еще не созданы, там, где господствует атмосфера войны против инакомыслящих – неверных, врагов народа, разного рода «извращенцев» и проч., – изменения могут наступить намного позже. Так, крестовые походы против мусульман, язычников и еретиков «вчера» (XI–XV вв.) – это джихад, или религиозная война, против неверных исламу в его фундаменталистских версиях сегодня. Крестовые походы остались в прошлом, можно предположить, что и джихад рано или поздно будет изжит исламским миром.

Противники прогресса могут приостановить его либо пойти по пути регресса лишь временно, так как регресс противоречит базовым потребностям человека (его биосоциальной природе). Следующим основанием для утверждения о неизбежности социально-правового прогресса будет ссылка на человеческие потребности в свободе, равенстве, безопасности, ликвидации всех форм произвола и внеправового насилия. Мыслители Просвещения писали о том же самом как о заложенных природой в человеке задатках, неуклонно, неминуемо толкающих его к идеальному социально-правовому мироустройству. Природа понималась ими как закономерности социальной и биологической, животной основы человеческого существования, человеческого общества. Уже в Античности природа осознавалась, с одной стороны, как космос, как всеобщее, куда входит абсолютно все, в том числе человек, общество, а не только природа в узком смысле этого слова, и все это всеобщее движется по определенным, космическим законам, а с другой – как сущность («природа») какого-то объекта, глубинная причина какого-то явления, процесса. Природа человека – это сочетание биологических (узко природных, физических) начал и разума, социальности. Аристотель определял человека по природе своей как «политическое животное», т. е. учитывал как животные (природные в самом узком смысле слова), так и социальные характеристики человека. В эпоху Просвещения понимание природы, сохранив достижения Античности, развивалось дальше, уходя от сверхъестественных средневековых религиозных объяснений к светским, рациональным трактовкам, в том числе и в форме механицизма: мир, космос, включая человека, стали рассматриваться как некоторый механизм (Маркс в свое время критиковал механистичное мировоззрение этой эпохи и, в частности, «механистический французский материализм»), работающий по определенным закономерностям, которые человек может открыть, объяснить и использовать в своей деятельности для достижения своих целей («знание – сила», – писал Ф. Бэкон). Мыслители Просвещения, и тем более последующие философские традиции, которые обсуждали проблему прогресса, никогда не отрицали и влияния общества на человека, т. е. его социальности, но отводили последней разную роль: либо человек от природы порочен, зол, и общество должно контролировать и исправлять эти пороки, либо человек – это «чистая доска» (*tabula rasa*), и именно общество формирует его добродетели и пороки, либо, как считал Руссо, человек по природе добр, и именно цивилизация (социум, общество) портит людей, и поэтому надо вернуться к первозданному природному

состоянию (на эту идею Вольтер иронично заметил: читая работу Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми», так и тянет встать на четвереньки).

Таким образом, человеческая природа, начиная с Античности, объяснялась не только чисто физическими, биологическими задатками, но и ее социальностью – причем в разных пропорциях того и другого. Даже если выдающиеся деятели эпохи Просвещения порой и преувеличивали роль природных, в смысле узкобиологических задатков (однако не исходили при этом из них одних), то в этом своем преувеличении они не сильно ошибались. Многие мыслители в разные эпохи отмечали фундаментальную роль биологических потребностей человека, удовлетворение которых необходимо для его выживания. В основании известной пирамиды Маслоу лежат именно базовые, физиологические потребности, далее – потребности в экономической, физической и иной безопасности, а уж все остальное – духовное – следует намного позже. «Сначала хлеб, а нравственность потом», – писал Б. Брехт: без первого никакой нравственности и социально-правового прогресса ожидать не приходится. Не отрицают биологические основы человеческого общества и теоретики социального конструктивизма (см.: [Бергер, Лукман 1995]).

Мысленный эксперимент Харта о биологических, естественных основаниях права и, следовательно, природных основаниях правового развития. Вспомним также мысленный эксперимент, который проделал Г. Харт в рамках дискуссии с Л. Фуллером, подчеркивая именно биологическую природу человека и зависимость фундаментальных правовых институтов от нее (назовем этот эксперимент «человек-краб»): «Предположим, люди станут неуязвимыми друг для друга, скажем, они будут закованы в панцири, как большие сухопутные крабы, и смогут извлекать пищу, которая им нужна, из воздуха посредством некоего внутреннего химического процесса. В таком случае (подробности могут быть оставлены для научной фантастики) нормы, запрещающие свободное применение насилия, и нормы, устанавливающие минимальную форму собственности (с правами и обязанностями, достаточными, чтобы пищу можно было выращивать и хранить, пока она не будет съедена), не будут иметь такого необходимого произвольного статуса, который они имеют для нас, какие мы есть в сегодняшнем мире. В настоящем и до того момента, когда произойдут подобные радикальные изменения, эти нормы настолько фундаментальны, что если правовая система не будет их содержать, вообще не будет смысла устанавливать какие-либо другие правила. Данные нормы пересекаются с основными моральными принципами, налагающими вето на убийство, насилие и воровство; и, таким образом, мы можем добавить к основанному на фактах наблюдению, согласно которому все правовые системы в действительности совпадают с моралью в этих жизненно важных моментах, утверждение, что это необходимо. И почему бы не сказать здесь о “естественной” необходимости?» [Харт 2005, с. 130–131]. Вот именно! Нынешние фундаментальные правовые институты, процесс правового регулирования в тех формах и процедурах, как они сложились и функционируют в обществе, зависят в значительной мере и от нашей естественной, биологической природы, но поскольку последняя сильно отличается от гипотетических людей-крабов, постольку нам необходимо право, как оно представляется в непозитивистских доктринах, и правовой прогресс, которые в значительной мере зависят от того, насколько надежнее и прочнее право обеспечивает нашу жизнь, свободу, независимость, безопасность и нашу собственность. Как все это обеспечивается более конкретно в разных правовых культурах и обществах, зависит уже от социального конструирования правовых институтов (в рамках континентальной или прецедентной – отдифференцированных – правовых систем или в рамках систем неотдифференцированных (см.: [Алексеев 2010, т. 5, с. 346; Алексеев 2010, т. 6, с. 131; Семитко 2024, с. 546–565])), которые могут отличаться друг от друга в значительной степени, но оставаться самими собой лишь в тех пределах, в которых они обеспечивают наше существование как биологических и соответствующих социальных «особей», а не людей-крабов, которыми мы не являемся.

В современной литературе отмечается, что «идея правового прогресса, как всякая правовая идея, существует в мире духа, она не вырастает из “естественной среды”, из природных задатков человека» [Архипов 2025, с. 245]. С этим положением невозможно не согласиться, разве что с некоторым уточнением, а именно: существующая, конечно же, в мире духа идея правового прогресса вырастает, в том числе, и из «естественной среды» – из узко интерпретируемых природных задатков как исключительно физических, физиологических потребностей человека, а если учесть, что природа последнего обладает двойной – биосоциальной – сущностью («политическое животное»), то и вовсе можно сказать, что идея социально-правового прогресса вытекает из таким образом понимаемых природных (как социально-природных, биосоциальных) задатков человека. И поскольку формирование идеи социального и правового, в том числе, прогресса обусловлено социально-природными задатками человека, саму ее и необходимость борьбы за нее тоже можно считать неизбежными, неотвратимыми для общества – до тех пор, пока человек остается человеком с присущими ему объективно сформированными биосоциальными задатками и потребностями.

Неизбежность прогресса вытекает из потребностей человека и его разумности. Почему правовой прогресс и борьба за него неотвратимы и что имели в виду мыслители Просвещения, когда говорили о неизбежности прогресса? С. Пинкер пишет, что «для этой эпохи было характерно поразительное изобилие порой противоречащих друг другу идей, но все они связывались благодаря четырем темам: разуму, науке, гуманизму и прогрессу» [Пинкер 2021, с. 24]. Если в основании человеческого развития лежит Разум, который позволяет раскрыть истинные человеческие потребности, состоящие в свободе, безопасности, процветании и гуманном отношении друг к другу, а наука дает для реализации этих потребностей необходимые средства, то прогресс неизбежен. Так, если величайшая свобода приводит, по Канту, к постоянному антагонизму из-за присущей людям взаимной вражды и недоброжелательности, то разум же приводит их и к неизбежности права, которое позволяет преодолеть негативные стороны свободы (и самого разума) (см.: [Алексеев 1998, с. 45–46]). Понятно, что способы и инструменты этого правового преодоления в истории также неизбежно развиваются, совершенствуются, ибо все-таки больше свободы и безопасности для людей – это лучше, чем когда их нет вовсе или их объем меньше. И здесь нет «конца истории», точки достижения максимально возможного уровня свободы и безопасности, так как постоянно возникают новые проблемы, вызовы и угрозы (типа цифровизации, ожидаемой в недалеком будущем сингулярности и многого того, о чем мы пока еще не можем знать и даже догадываться). Невозможен и окончательный поворот вспять, т. е. движение по пути полного социального и правового регресса, так как человечество уже не способно «встать на четвереньки» и вряд ли согласится с законодательством, на основании которого введут рабство, станут казнить через четвертование, колесование, посадение на кол, заливание в рот фальшивомонетчикам (а сегодня «биткоинщикам», нарушающим законодательство какого-нибудь государства) раскаленного металла и т. д. Однако мы вряд ли сможем исключить какие-то отдельные эксцессы (например, убийство через разбивание молотом головы на наковальне, иные способы жестоких казней, пытки и проч.); мы не сможем также исключить и более широкие по масштабу регрессивные правовые движения отдельных обществ, которые не следует принимать за «навечно» установившийся правовой регресс, даже если в каком-то интеллектуальном пространстве возобладал пессимизм по отношению к идее социального и правового прогресса. Поэтому мы и говорим о неизбежности правового прогресса через неизбежную борьбу за него.

Причины прогрессистского пессимизма и провозглашение кризиса идеи прогресса: завышенные ожидания, непонимание природы прогресса, изменение критериев (рост запросов), эвристика доступности и проч. Проявившийся в XX веке в отношении социального и в том числе правового прогресса пессимизм, о котором писал Р. Нисбет [Нисбет 2007], может быть объяснен отчасти тем, что результаты прогресса оказались на практике меньше, а порой даже гораздо меньше (или даже проти-

воречивее) тех ожиданий, которые вкладывали в него творцы и энтузиасты этой идеи ранее. Это – во-первых. Во-вторых, некоторые ошибочно восприняли эту идею как самоосуществляющееся пророчество, на что совершенно верно указал в своей фундаментальной работе С. И. Архипов [Архипов 2025]. В-третьих, пессимисты не учли того очевидного факта, что их собственные критерии стали гораздо более высокими и требовательными, чем они были в обществе и его интеллектуальных кругах ранее. Более высокие критерии, обманутые ожидания – как тут некоторым интеллектуалам, культурным и прочим пессимистам не погрузиться в депрессию, облыжно обвиняя во всем идею прогресса? Можно добавить сюда, в-четвертых, еще и эвристику доступности (люди получают больше информации о чем-то плохом, ужасном, чем о достижениях и прогрессе), о которой до глубокого анализа ее А. Тверски и Д. Канеманом в 1970-х годах прошлого века многие культурные и прочие пессимисты даже и не подозревали, что не могло не приводить их к неизбежным когнитивным искажениям, т. е. ошибочным заключениям по поводу кризиса идеи прогресса. В любом случае переживания пессимистов по поводу социального (и правового в том числе) прогресса не стоят и ломаного гроша, поскольку эта идея давно уже – после того, как была сформулирована в эпоху Просвещения, – овладев массами, стала мощной прогрессирующей силой, и потому мнение узкого и крайне депрессивного интеллектуального сообщества по поводу прогресса никого уже особенно не интересует и мало на что реально влияет.

Идея прогресса «ушла» в массы, интеллектуальный скептицизм по ее поводу не имеет какого-либо заметного значения, что вытекает из определения прогресса и отношения человека к нему. Почему пессимизм не имеет значения и почему человек «обречен» на борьбу за социальный (и в том числе правовой) прогресс? Ответы могут быть разными (здесь много аргументов), и один из них, возможно, один из важнейших, следует из весьма простого и ясного определения этого понятия, которое мы находим у С. Пинкера: «Что такое прогресс? ...Большинство людей сходятся во мнении, что жизнь лучше смерти. Здоровье лучше болезни. Полный желудок лучше голода. Изобилие лучше нищеты. Мир лучше войны. Безопасность лучше жизни под угрозой. Свобода лучше тирании. Равные права лучше нетерпимости и дискриминации. Грамотность лучше безграмотности. Знание лучше невежества. Интеллектуальное развитие лучше ограниченности. Счастье лучше несчастья...

Все эти вещи можно измерить. И если со временем их стало больше, значит, произошел прогресс» [Пинкер 2021, с. 73]. Полагать, что человек, общество, человечество не будут неизбежно и неотвратимо стремиться к прогрессу, значит считать, что когда-то люди, будучи свободными (а не под принуждением), станут отвечать на этот вопрос иначе, придерживаясь прямо противоположного мнения: рабство лучше свободы; нетерпимость к инакомыслящим и дискриминация лучше, чем толерантность и равные права; тоталитаризм лучше демократии; отсутствие надежной правовой защищенности для подавляющего большинства населения лучше, чем наличие такой защищенности для всех; отсутствие свободы слова лучше, чем ее наличие; внесудебные массовые репрессии и казни лучше дорогой, длительной и честной судебной процедуры в отношении каждого лица, которое подозревается в совершении какого-либо преступления, и т. д.

Сходное в конечном счете определение социального прогресса – с обязательным и вполне закономерным включением в него прогресса правового (без которого, добавим мы, социальный прогресс невозможен) – дает Л. Харрисон, один из руководителей известного научного проекта «Культура имеет значение». Он определяет прогресс через права и свободы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека ООН 1948 г.: достижение большего объема, более высокого уровня защищенности указанных прав и свобод – свидетельство социального и правового прогресса. «Никто не сможет доказать, – пишет Л. Харрисон, – что Декларация ООН носит поистине “всеобщий” характер. Конечно, существуют люди и целые группы, не принимающие те или иные составляющие прогресса. Однако большинство живущих на земле, несомненно, согласятся

со следующими утверждениями – своего рода парафразами положений Декларации: Лучше быть живым, чем мертвым. Лучше быть здоровым, чем больным. Свобода лучше рабства. Лучше быть богатым, чем бедным. Лучше быть образованным, чем невежественным. Справедливость лучше несправедливости» [Харрисон 2008, с. 52–53]. Нацеленность на социальный прогресс и неотъемлемую, необходимую его правовую составляющую и одновременно средство его достижения, закрепления и дальнейшего развития – правовой прогресс – выражена и во множестве иных документов ООН. Так, например, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» предусмотрена цель (16-я из 17): «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях», в рамках которой необходимо осуществлять «содействие верховенству права на национальном и международном уровнях и обеспечить всем равный доступ к правосудию». Следует заметить, что реализация не только упомянутой, но и остальных целей устойчивого развития невозможна без юридического инструментария и означает, по сути дела, защиту экономических, социальных и культурных прав человека (см.: [Международная защита ... 2020]).

В политических и правовых процессах нашей современности и, в частности, в ходе всевозможных выборов там, где они проводятся на самых разных уровнях и в самых разных политических режимах – как истинно демократических, так и электро-авторитарных, – звучат обещания кандидатов, нацеленные на улучшение жизни населения, т. е. на ее прогрессивное совершенствование в направлении все большего удовлетворения человеческих потребностей от того уровня, который имеется в каждой стране в соответствующий период времени. По установленной Р. Алекси закономерности трудно предположить, что даже в странах, где нет выборов, пришедший к власти (по наследству или в результате государственного переворота и т. п.) правитель будет говорить о том, что он ставит своей целью ухудшение жизни подданного ему населения. Вот почему депрессивные стенания певцов кризиса идеи социально-правового прогресса не имеют никакого значения для ее воплощения в действительность. Эта идея давно уже ушла в массы – в плоскость реальной жизни и повседневной деятельности всего человечества.

Необходимость воли к прогрессу и ее обусловленность объективными обстоятельствами жизни человека и общества. Неизбежность социально-правового прогресса в каждой стране и в мировом сообществе в целом связана с «взрослением» общества, которое приводит к росту необходимого для этого круга акторов, постановке ими адекватных целей и увеличению соответствующих действий в направлении улучшения жизни общества в самых разных сферах, и в правовой в том числе (без последней улучшения в иных сферах могут быть легче повернуты вспять). Целевые устремления, воля к прогрессу – необходимые условия движения общества в указанном направлении. Но почему где-то эта воля есть, а где-то ее нет? Почему где-то в итоге складываются инклюзивные (персоноцентристские, демократические), а где-то экстрактивные (социоцентристские, авторитарные) институты (об инклюзивных и экстрактивных институтах см. [Аджемоглу, Робинсон 2018])? Не потому ли, что в первом случае есть воля к социальному и правовому прогрессу, а во втором ее нет? Ответ на данный вопрос на первом уровне сущности данной проблемы будет положительным: в одном случае социальная воля, устремление общества в целом как некоторого исторического субъекта (а не устремления отдельных лиц, которых в обществе никто не поддерживает, и поэтому власть легко с ними расправляется) есть, а в другом ее нет, и даже, добавим для уточнения нашей позиции, быть не может в силу экономических, социально-исторических, религиозных, культурных и много еще каких причин и обстоятельств. Что нужно для того, чтобы воля к социально-правовому прогрессу, к построению инклюзивных, персоноцентристских институтов в обществе сформировалась? На этот вопрос

можно найти ответ в концепции Р. Инглхарта и К. Вельцеля [Инглхарт, Вельцель 2011; Инглхарт 2018], которые, опираясь в ряде отношений на методологию К. Маркса, а в ряде – на методологию М. Вебера, утверждают (и доказывают многолетними социологическими исследованиями в рамках проекта World Values Survey), что социально-экономическая модернизация, повышение благосостояния общества в целом постепенно (через поколения) приводят к культурным изменениям, к формированию вместо ценностей выживания ценностей самовыражения, а они уже ведут к формированию демократических институтов, которые, если не говорить о фиктивно-демократических режимах, не могут существовать без соответствующего правового «инструментария» – без верховенства права, реального конституционализма, разделения властей, независимой судебной власти, высокого уровня правовой защищенности человека, т. е. без всего того, что в ходе своего становления и бесконечного развития называется правовым прогрессом.

Список источников

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова [и др.]. М. : АСТ, 2018. 704 с.
- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002) // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6 : Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. С. 7–557.
- Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи (2000) // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. М. : Статут, 2010. С. 295–548.
- Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М. : Норма, 1998. 409 с.
- Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) : пер. с нем. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.
- Архипов С. И. Правовой прогресс. Зарождение, развитие, кризис идеи. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 272 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатина. М. : Мысль, 2018. 348 с.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М. : Новое издательство, 2011. 464 с.
- Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1956. 267 с.
- Международная защита экономических, социальных и культурных прав человека : учеб. пособие / А. Х. Абашидзе, Е. С. Алисиевич, А. А. Амирова, Ф. Р. Ананидзе [и др.] ; под ред. А. Х. Абашидзе. М. : РУДН, 2020. 558 с.
- Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М. : ИРИСЭН, 2007. 557 с.
- Пинкер С. Лучшее в нас: Почему насилия в мире становится меньше : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 952 с.
- Пинкер С. Просвещение продолжается. В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 626 с.
- Семятко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 805 с. EDN KYKYUS.
- Харрисон Л. Главная истина либерализма: Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / пер. с англ. Б. Пинскера. М. : Новое издательство, 2008. 282 с.
- Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5 (262). С. 102–136. EDN JZATSN.
- Camus R. Le Grand Remplacement. Introduction au remplacisme global. 4 ed. Plieux : Chez l'auteur, 2017. 441 p.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, декан юридического ф-та, заведующий кафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург, Россия), лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексева «За заслуги в юриспруденции». SPIN-код: 5866-9944.

Information about the author

Alexey P. Semitko, Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Public Law Department, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”.

Статья поступила в редакцию | Submitted 02.03.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 26.03.2026.

Принята к публикации | Accepted 26.03.2026.